

ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ УЧАСТИЕ

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕЙНЫХ ИСТОКАХ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

И.А. Фомичев

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2018.5.19>

Аннотация. *На своей родине, в Древней Греции, демократия не снискала популярности среди философов и мыслителей. Вплоть до XIX в. демократия ассоциировалось с беззаконием и правлением толпы. Подобную оценку разделяли, помимо многих других, Джеймс Мэддисон и Александр Гамильтон — отцы-основатели США. Наиболее пригодной формой правления считалась республика, отнюдь не отождествлявшаяся с демократией. Именно республикой были США в глазах тех, кто заложил основы этого государства. Только в 1830-х годах слово «демократия» начинает приобретать положительные коннотации и использоваться политиками и публицистами для описания системы представительного правления, сложившейся в США. В связи с этим в статье рассматривается роль, которую сыграла республиканская традиция в становлении современной идеи демократии. Поскольку ключевыми ценностями республиканизма были не всеобщее равенство и правление народа, а стабильность и долговечность государства, данная традиция является демократической лишь в ограниченной степени. Республика — так, как ее понимал, например, второй президент США Джон Адамс — представляла собой скорее смешение аристократии и демократии.*

Помимо республиканской традиции, рассматривается зарождение таких ключевых принципов современной демократии, как кон-

ституционализм и право на сопротивление. Оба этих принципа зародились внутри традиций, весьма скептически настроенных по отношению к идее демократии. Ни конституционализм, ни право на сопротивление не связаны напрямую с формой правления, при которой воля народа является последней инстанцией в разрешении ключевых политических вопросов. Несмотря на то что в рамках обеих доктрин источником суверенитета считался народ, это не означало, что сам народ должен быть сувереном. Вместо этого и конституционалистская аргументация, и аргументация монархистов основывались на том, что действия государя должны быть ограничены рамками закона.

В конце статьи делается вывод, согласно которому низкий уровень гражданского участия и ограниченная степень влияния граждан на проводимую государственную политику может рассматриваться как характеристики, в какой-то мере внутренне присущие современной демократии.

Ключевые слова: демократия, представительное правление, республиканизм, конституционализм, концилиаризм, тираноборчество, право на легитимную революцию.

В настоящие дни демократия — и как идеал, и как конкретная институциональная конфигурация, сложившаяся в странах Западной Европы и Северной Америки, — получила повсеместное признание. В то же время современная идея демократии внутренне противоречива. Ее мало что роднит с тем явлением, которое изначально понималось под этим словом — с афинской демократией, активным осуществлением власти народом. Современная демократия неизбежно употребляется с дополнительными прилагательными — либеральная, представительная, полиархическая, плюралистическая, которые подчеркивают ее относительный характер. В результате подобного ограничения порой под демократией понимается нечто противоречащее ее очевидному смыслу, следующему из буквального перевода — «правление народа». Так, согласно Й. Шумпетеру, демократия не имеет отношения ни к воле народа, ни к его суверенитету. Она представляет собой лишь «такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» [Шумпетер 2007: 355].

Цель статьи — теоретическая реконструкция идейных истоков современной теории демократии. Основная гипотеза состоит в том, что появившиеся в XIX в. системы демократического правления отличаются от афинской не только в институциональном отношении, но имеют иные концептуальные основания. Перефразируя известное выражение Тертуллиана, мы можем спросить: что Афины — Вашингтону? И если истоки современной демократической традиции находятся не в Древней Греции, то где? Ответ на этот вопрос представляется чрезвычайно важным для более глубокого понимания современной демократии и перспектив ее развития. Только поняв, при каких обстоятельствах и в какой форме зародились ключевые принципы современного демократического правления, мы можем осознать внутренне присущие им ограничения и составить более целостное представление о причинах возникновения тех или иных характерных черт современной демократии.

ДЕМОКРАТИЯ В АНТИЧНОСТИ

Если обратиться непосредственно к рефлексии древних греков о народном правлении, мы едва ли обнаружим какую-либо теорию демократии. По этому поводу историк Мозес Финли говорит следующее: «...я не верю, что в Афинах существовала четко сформулированная демократическая теория. Были понятия, общие принципы, обобщения <...> но они не сводятся к конкретной теории» [Finley 1962: 9]. В отсутствии такой теории М. Финли не видит никакого парадокса, поскольку «ошибочно полагать, что каждая социальная или государственная система в истории обязательно должна сопровождаться сложными теоретическими построениями» [Там же]. В знаменитом споре трех персов из «Истории» Геродота это слово не упоминается. Вместо него используется другое понятие — исономия, «равнозаконие». Перикл (а через него Фукидид) в одном из самых известных «гимнов» афинской демократии — речи над могилами павших воинов — использует слово «демократия» как бы неуверенно, стараясь дистанцироваться от него; более того, Фукидид ставит в заслугу Периклу именно то, что при нем демократия существовала лишь «по названию» [Канфора 2012: 45].

Софисты, известные своими симпатиями к демократии, также не оставили ни одного сочинения в ее поддержку. Английский историк Джордж Керферд высказал предположение, что подобные сочинения были написаны и соответствующая демократическая интеллектуальная традиция существовала, но они просто не сохранились. Так, он считал, что еще до того, как Платон закончил первые книги «Государства», Протагором было написано собственное сочинение о политике, в котором, вероятно, был описан демократический вариант идеального государства. Керферд также допускает, что идея равенства мужчин и женщин могла быть заимствована Платоном именно из этого сочинения Протагора [Kerferd 1981: 139]. Однако доказательная база для подобных утверждений весьма ненадежна и ограничивается ссылкой Диогена Лаэртца на утверждение Аристоксена о том, что почти все «Государство» Платона входит в состав «Противоречий» Протагора, а также повторением этого утверждения Фаворином [Ibid.]. Тем не менее те крупницы продемократической традиции, которые могут быть извлечены из фрагментов досократиков, из сочинений Геродота и Демосфена, трагедий Софокла и Еврипида, а также речей, переданных Фукидидом и Платоном (речь Перикла и защита Протагором идеи демократии в одноименном диалоге), остались по большей части незамеченными последующими европейскими мыслителями [Roberts 1994: 7].

Куда большим вниманием была одарена более влиятельная, хорошо сохранившаяся и обширная антидемократическая традиция, отождествлявшая правление народа с беззаконием и деспотичным господством толпы. Подобное понимание демократии было общим местом для подавляющего большинства европейских мыслителей вплоть до XIX в. Если назвать только античных мыслителей, то такой взгляд разделяли Гераклит, Фукидид, Платон, Ксенофонт, Аристотель, Полибий, Тит Ливий, Диодор, Плутарх и другие. Платон, как известно, заклеил народное правление как наихудший после тирании политический строй. Аристотель, более сдержанный в оценке, также не испытывал особых симпатий по отношению к демократии, отнеся ее к «плохой» форме правления, в которой неимущее большинство правит в своих узких интересах. Поэтому справедливым кажется замечание, сделанное историком политиче-

ских идей Джоном МакКлеелландом: «Если и существует такая вещь, как западная традиция политической мысли, то она появляется вместе с глубоким антидемократическим предубеждением» [Roberts 1994: 7].

Платон и Аристотель, оставившие наиболее систематичный анализ греческой демократии, на долгие годы определили ее восприятие последующими поколениями. Остановимся подробнее на их описании этого строя.

Восьмая книга «Государства» Платона посвящена анализу извращенных государственных устройств — тимократии, олигархии, демократии и тирании. Согласно Платону, «[д]емократия... осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию» [Платон 1994: 343]. Все составные части этого определения важны: здесь подчеркивается конфликтный характер возникновения демократии, заложенное внутри нее противоречие между бедными и богатыми, а также стремление к равенству, реализуемое через избрание на должности при помощи жребия. Для Платона такое равенство противоестественно, поскольку уравниваются в таком случае те, кто вовсе не равен по природе [Там же: 345]. Правят здесь не те, кто выделяется своей добродетелью, но заискивающие перед толпой (то есть перед «яростным зверем», как называет ее Платон) демагоги. Платон, который свое идеальное государство описал как такое, в котором каждый элемент находится на своем месте, не мог испытывать симпатий в отношении демократического строя. Помимо перечисленных недостатков, в демократии, согласно Платону, закон не имеет должного уважения со стороны граждан: «...если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. <...> [Л]юди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе...» [Там же: 344].

Аристотель, в целом негативно оценивая демократию, выступает более умеренным критиком этого строя. Первоначально он классифицирует государственные устройства на основании двух

признаков: отношение к благу и количество граждан, участвующих в управлении [Аристотель 1983: 547]. Так, монархия есть правление одного во благо всех, а тирания — правление одного во благо самого себя. Соответственно, полития — это правление многих, имеющее в виду общее благо, а демократия — правление многих в интересах многих. Позднее Аристотель уточняет, что количество правящих есть «признак случайный», и в действительности значение имеет, бедняки ли правят государством или люди состоятельные [Там же: 459]. Таким образом, демократия является государственным строем, в котором неимущие массы правят ради своего ограниченного блага. Вероятно, это может объяснить порой весьма комплементарное отношение Аристотеля к принципу большинства. Так, в III книге «Политики» Аристотель признает, что предпочтение власти большинства имеет «некое оправдание, а пожалуй, даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности <...> Ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприятий, так же обстоит и с характером, и с пониманием. Вот почему большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне, другие — о другой, а все вместе судят о целом» [Там же: 463–464].

Демократию, основное население которой составляют земледельцы, Аристотель также считает вполне приемлемым строем, признавая за ним некоторые положительные черты, например правление закона [Аристотель 1983: 496]. Однако, когда дело доходит до описания демократии, основанной на активном участии городских жителей (поденщиков, ремесленников и т. п.) в народном собрании, Аристотель оценивает ее весьма критически. При таком строе «в государственном управлении верховная власть принадлежит массе неимущих, а не законам», а «простой народ, являясь монархом, стремится и управлять по-монаршему (ибо в этом случае

закон им не управляет) и становится деспотом (почему и льстецы у него в почете), и этот демократический строй больше всего напоминает из отдельных видов монархии тиранию» [Там же: 497]. Судя по всему, именно крайняя демократия, с точки зрения Аристотеля, нашла свое воплощение в современных ему Афинах. «После столь строгого вердикта Стагирита — пишет Бренд Гутгенбергер — в течение последующих двух тысячелетий “демократия” оказалась в числе табуизированных, запретных понятий» [Гутгенбергер 1991: 137].

Несмотря на симпатию, которую Аристотель демонстрировал в отношении некоторых демократических установлений, предпочтение Стагирит отдавал смешанному государственному устройству, в котором господствует «средний класс» [Аристотель 1983: 509]. В то же время именно демократия, основанная на законе, могла стать «той исходной политической формой, с которой и должно было начаться восходящее развитие греческих государств к более совершенному строю». Впоследствии теория смешанного правления была развита историком Полибием, который является творцом распространенного (и в целом исторически достоверного) мифа об устройстве Римской республики как образце смешанной конституции.

Платон, Аристотель и Полибий стали теми авторами, через которых европейские интеллектуалы познакомились с древнегреческой демократией [Hansen 1992: 16–17]. Это наложило серьезный отпечаток на последующую рефлексию мыслителей о демократии. Поскольку лучшей формой правления считалась смешанная конституция, сочетающая монархические, аристократические и демократические элементы, демократия признавалась допустимой только в ограниченной форме. В связи с этим демократия не рассматривалась сама по себе, но только как одна из трех основных форм правления, наряду с монархией и аристократией. Что касается демократического опыта Греции, то случайные упоминания афинской демократии в большинстве своем были связаны с известным законодателем Солоном, который считался отцом умеренной смешанной демократии. В свою очередь, оценка демократии в ее чистом виде была в основном негативна; если же она удостоивалась похвалы, то тут же делалось замечание о ее невозможности [Там же: 17].

СОВРЕМЕННАЯ ИДЕЯ ДЕМОКРАТИИ

Как указывает Бернар Манен, «современное демократическое правление возникло из политической системы, которую ее основатели считали противоположностью демократии. Сегодняшнее словоупотребление различает “представительную” и “прямую” демократию и относит их к разновидностям одного типа правления, но то, что мы сейчас называем представительной демократией, имеет свои корни в системе институтов (учрежденных в результате английской, американской и французской революций), которая поначалу вовсе не воспринималась формой демократии или правлением народа...» [Манен 2008: 9]. Более того, представительное правление изначально задумывалось как правление, в котором ограничивается роль народа в управлении государством. В связи с этим возникает вопрос: каким образом система, изначально стремившаяся ограничить влияние народного элемента, стала восприниматься как демократическая?

Вплоть до первой половины XIX в. западная политическая традиция оставалась антидемократичной по своему духу. Даже во времена Французской революции, которая, по утверждению Юргена Хабермаса, «разожгла спор философов вокруг понятия демократии» [Хабермас 1995: 33], самого понятия будто бы старались избегать. «Слово “демократия” — пишет Канфора — нечасто встречалось в политическом лексиконе Революции. Те люди охотнее говорили о “равенстве”, “свободе”, “республике”, “родине”, “доблести”. <...> Пожалуй, излишне напоминать что слово “демократия” не встречается ни в американской конституции, ни в конституциях, которые последовательно принимались Первой французской республикой» [Канфора 2012: 372]. Как отмечает В.А. Гуторов, «[к]онцепции демократии и конституционализма, появившиеся в Новое время, вплоть до наших дней во многом определяются стремлением их создателей в некотором смысле солидаризироваться с древними критиками того типа демократического правления, который сложился в полисах Древней Греции» [Гуторов 2014: 116]. Так, американские отцы-основатели задумывали создать политическую систему, ограничивающую власть народа. Как писал

Джеймс Мэдисон, «демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности, существовали очень недолго и кончали насильственной смертью» [Федералист... 1993: 83]. В конце XVIII в. Иммануил Кант в трактате «К вечному миру» также относит демократию к деспотической форме правления, противопоставляя ее республике, которой он отдавал безусловное предпочтение (вместе с тем характерно, что уже во время написания этого трактата в 1795 г. Кант замечает вошедшее в привычку смешивание понятий республики и демократии) [Кант 1994: 16].

Переоценка демократического опыта Афин и демократии в целом началась в первых десятилетиях XIX в. [Saxonhouse 1993: 487–488]. Когда в 1823 г. Даниел Уэбстер (возможно, один из первых политиков в США, кто представил институты Штатов наследниками институтов народного правления Древних Афин) доказывал необходимость оказания помощи воюющим за свою независимость грекам, это подкреплялось тем, что, помимо прочего, именно грекам жители Штатов обязаны открытием свободной формы правления [Ibid.: 487]. В Англии примерно в то же время философские радикалы попытались использовать образ афинской демократии для обоснования расширения избирательных прав, однако само понятие демократии, несмотря на все старания, еще долго сохраняло традиционные негативные коннотации. Джордж Грот, написавший в середине XIX в. двенадцатитомную «Историю Греции», впервые представил афинское устройство в самом выгодном свете. Как пишет Саксонхауз, успех работы Грота был столь велик, что британец XIX в. чувствовал себя ближе к афинянину из V в. до н. э., чем к англичанину из XVIII в. [Ibid.: 487–488]. Можно также вспомнить Джона Стюарта Милля, утверждавшего, что победа греков в Марафонском сражении имела большее значение для Англии, чем битва при Гастингсе.

Однако, несмотря на то что афинское демократическое правление и вообще идея демократии подверглись пересмотру, большинство государств, за исключением США и Третьей французской республики, являлись монархиями, не претендующими на то, чтобы называться демократией. Даже в упомянутых США и Франции де-

мократия видилась скорее как вектор развития, чем как название существующего политического строя [Магун 2015: 100]. Только во время Первой мировой войны демократия, понимаемая как представительная парламентская система, получила повсеместное признание [Hansen 1992: 23]. Вместе с тем и в институциональном, и в концептуальном плане не было совершенно какого-либо смещения в сторону Афин. Как утверждает Могенс Хансен, несмотря на схожесть некоторых принципов современной либеральной и афинской демократий, «никакая прямая традиция не связывает афинскую триаду *democratia — eleutheria — isonimia* с ее современным аналогом — *демократия — свобода — равенство*» [Hansen 1992: 27]. Теоретической основой представительного правления, возникшего в результате революционных преобразований XVII и XVIII вв., являлась идея смешанного правления, а источником вдохновения для английских, американских и французских революционеров была Римская республика. Поэтому неудивительно, что «признаваемая и одобряемая Аристотелем “полития” [смешанное правление, комбинация олигархических и демократических принципов. — И.Ф.] содержит целый ряд элементов, сближающихся с более поздними, позитивными взглядами на демократию» [Гугенбергер 1991: 137].

Как указывает Франсис Дюпюи-Дери, Франция и США стали первыми странами, в которых крупные политики стали открыто называть себя демократами [Dupuis-Déri 2004: 119]. В обеих странах это случилось примерно в одно и то же время — в 30–40-е годы XIX в. — и, как утверждает Дюпюи-Дери, было обусловлено политическими мотивами [Ibid.]. В США, как позднее и во Франции, введение избирательного права привело к тому, что политики стали чаще апеллировать к низам и использовать популистскую риторику ради привлечения электората на свою сторону [Ibid.: 125–126]. Со временем даже партия Вигов, оппозиционная Эндрю Джексону — первому президенту США, который сделал «демократию» своим лозунгом, — стала использовать демократическую риторику. В качестве доказательства того, что подобный прием имел сугубо политические основания, Дюпюи-Дери приводит отрывок из письма Уильяма Сьюарда, на тот момент принадлежащего к Вигам,

в котором тот сетует на бесперспективность конкуренции с будущим восьмым президентом США Мартином Ван Бюреном: «Я убежден, что победить Ван Бюрена совершенно невозможно. Народ за него. Не столько за него, сколько за принцип, который, как они предполагают, он представляет. Этот принцип — демократия. <...> Те, кто чувствовал или считал себя бедными, совершенно естественным образом отделились от нас и присоединились к большинству, чей успех доказал, что они друзья бедных» [Ibid.: 127–128].

Во Франции, после революции 1848 г., когда избирательное право было предоставлено всем взрослым мужчинам, это понятие постигла та же участь, что и в США. Уже в 1849 г. Франуса Гизо писал: «Такова власть слова “демократия”, что ни одно правительство, ни одна партия не может выжить и тем более взять власть без того, чтобы поместить это слово на свое знамя» (цит. по: [Магун 2015: 99]).

Так, парламентская представительная система, которая не мыслилась ее создателями как воплощение демократических идеалов, постепенно стала все больше идентифицироваться с демократией. Одним из ярких, но редко замечаемых отличий новой системы от афинской демократии является принцип различия. Суть этого принципа состоит в том, что представители по социальным показателям должны превосходить своих избирателей [Манен 2008]. Манен, комментируя одно из высказываний американского отца-основателя Джеймса Мэдисона, формулирует это следующим образом: «Представители должны отличаться от своих избирателей, поскольку республиканское, как и любое другое, правление требует передачи власти тем, кто обладает “высокой мудростью” и “высокой добродетелью”, то есть лицам, превосходящим и отличающимся от своих сограждан» [Там же: 147]. Более высокое социальное положение избранных по сравнению с электоратом гарантировалось не только законодательными, практическими и культурными барьерами, но и самим механизмом избрания представителей — выборами, институтом по своей природе неэгалитарным [Там же: 169–187]. В связи с этим вспоминается ироничное определение, которое Ханна Арендт дала партократическим режимам: это «правление народа путем создания элиты, вышедшей из народа» (цит. по: [Гуторов 2009: 21]).

Таким образом, современная демократическая традиция является демократической в весьма ограниченной степени. Этот факт одинаково признается как теми, кто настроен по отношению к ней критически, так и авторами, считающими существующую систему оптимальной. Так, Лучано Канфора не скрывая разочарования, заключает, что «[э]пилогом явилась победа, грозящая продержаться долго, того, что греки называли “смешанной конституцией”: когда “народ” выражает свою волю, но делами заправляют одни лишь имущие классы» [Канфора 2012: 340]. Вместо демократического эгалитаризма не утвердилась та самая «свобода, которую защищал Бенжамен Констан в своей знаменательной хвалебной речи “богатству”, “одолевающему любое правительство”» [Там же: 374]. В то же время Джованни Сартори не высказывает особых сожалений по поводу утраченной греческой демократии и признает, что для того, чтобы иметь хоть какую-то демократию, современному человеку приходится довольствоваться меньшей демократией. С точки зрения Сартори, демократия в Афинах представляла собой режим непосредственного осуществления власти со стороны демоса, в то время как современная демократия является режимом ограничения и контроля власти [Sartori 1987: 280]. Однако «ограничение и сдерживание власти, которое обеспечивает наша либеральная демократия, является не меньшим достижением в сравнении с древнегреческой демократией. Ибо мы по большей части решили проблему, нерешенную или незамеченную греками: обеспечение свободы для каждой личности» [Ibid.: 283]. Ограниченный характер демократий, сложившихся в Европе после Второй мировой войны, констатируется также и Мюллером, согласно которому, в результате конституционного урегулирования и ослабления legislatures, главным оправданием демократии стала «не столько возможность представлять в парламенте те или иные взгляды», сколько обеспечение посредством выборов «регулярную сменяемость ответственных политических элит» [Мюллер 2017: 248].

В связи с этим интерес представляет весьма формальное определение, данное демократии Артемием Магуном. Пытаясь описать феномен современной демократии с точки зрения ее собственного истока и идеала, он предлагает понимать под демократией в пер-

вую очередь «конституционный режим представительного правления с обязательным разделением законодательной и исполнительной властей в отсутствие наследственных привилегий» [Магун 2015: 37]. Непосредственно демократическими чертами такой системы будут: приписывание верховной власти народу; расширенное и расширяющееся избирательное право и установление равенства, делиберативное управление на всех уровнях, стремление к федерализму, а также признание за гражданами права на протестные движения, массовые выступления и даже легитимную революцию [Там же: 38–39]. Подобное определение, ядро которого само по себе либеральное, весьма точно схватывает основные черты современного демократического правления, среди которых стоит особенно отметить конституционализм и право на революцию. Подробнее о зарождении этих концепций речь пойдет в следующей части статьи.

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ

Концептуальные основания современной демократической мысли были разработаны в рамках интеллектуальных традиций, представители которых не пытались представить себя ни наследниками «школы Эллады», ни поборниками народного правления вообще: как правило, при обращении к античному опыту (если такое случалось) предпочтение отдавалось римской и спартанской смешанным системам. В связи с этим в настоящей части работы будет рассмотрена роль, которую республиканская традиция сыграла в становлении современной идеи демократии. Кроме того, необходимо также рассмотреть зарождение концепции конституционализма, которая составляет ядро современной демократической идеи.

С точки зрения Джона Покока, республиканизм — это не просто форма устройства государственной власти, но модель мышления и особый взгляд на историю. Как указывает Покок, республика (в том виде, в котором эта концепция была возрождена гражданскими гуманистами XV в.) одновременно мыслилась как нечто *универсальное* (universal), поскольку существовала для реализации

всех ценностей, которые человек мог реализовать в этой жизни, и как нечто *частное, специфическое* (particular), поскольку неизбежно сталкивалась со своей временной и пространственной ограниченностью [Росок 1975: 3]. Этот конфликт между попыткой реализовать универсальные ценности и нестабильностью и хаосом окружающего мира предопределил один из основных вопросов республиканизма — как сохранить государство в мире случайного и непредсказуемого течения событий. Поэтому, с точки зрения Покока, «неотъемлемым компонентом республиканской теории <...> были идеи о времени, о возникновении случайных событий во временном измерении, и о постижимости последовательностей <...> частных происшествий, которые создают то, что мы зовем историей» [Ibid.]. Поэтому макиавеллевский момент — это момент, в котором «республика сталкивается со своей временной конечностью, пытаясь сохранить моральную и политическую стабильность в потоке иррациональных событий» [Ibid.: VIII]. Итальянские гуманисты в попытке концептуализировать секулярное политическое и историческое самосознание разработали особый язык, в котором указанная проблема описывалась в категориях противостояния «добродетели» (virtue) с «фортуной» и «коррупцией».

В то же время классический республиканизм, по словам Покока, был в своей основе ренессансным парафразом аристотелевской науки политики [Росок 1975: 317]. Усвоив аристотелевское понимание человека как *zoon politikon*, гуманисты, среди которых ключевое место отведено Никколо Макиавелли и Франческо Гвиччардини, оставили парадигматическое наследие: концепции сбалансированного правительства, активной *virtù* (добродетели) и роли оружия и собственности в формировании гражданской личности [Ibid.: VIII]. Как указывает Покок, оригинальный и существенный вклад, который внес Макиавелли в республиканскую теорию, был обусловлен и в то же время ограничен его предпочтением военной экспансии стабильности государства [Ibid.: 218]. Пытаясь ответить на вопрос, что может сохранить республику, Гвиччардини обратился к исследованию аристотелевского полиса и смешанного правления, а в качестве более приближен-

ных объектов исследования изучал конституцию Флоренции 1494 г. и Венецианскую систему, известную своей стабильностью и аристократичностью [Ibid.: 185–186]. Этих авторов объединяло стремление найти средства предотвращения морального разложения республики и ее граждан, в связи с чем анализ институционального устройства государства зачастую отходил на второй план. Исключением в этом отношении является Донато Джаннотти, который, изучая венецианскую систему, заложил основы концепции, известной впоследствии как теория разделения властей [Ibid.: 273, 288].

Впоследствии республиканская традиция будет продолжена Джеймсом Харрингтоном, который в совершенно иных интеллектуальных и социальных обстоятельствах осуществил синтез идей гражданского гуманизма с английскими представлениями о политическом и социальном устройстве. Однако итальянские гуманисты предпочитали республику, поскольку это соответствовало этосу городов-государств Северной Италии, в то время как англичане стали использовать республиканскую риторику лишь потому, что их традиционное государственное устройство подверглось угрозе распада [Росock 1975: 365].

Если Макиавелли был главным проводником теории Полибия, то Харрингтону принадлежит первостепенная роль во внедрении республиканской макиавеллистской перспективы в английские политические, юридические и исторические практики [Росock 1965: 569]. «Океания», главная работа Джеймса Харрингтона, знаменует собой момент парадигматического прорыва, поскольку в ней предпринимается попытка масштабного переосмысления политической теории и истории Англии с помощью концепций гражданского гуманизма и макиавеллиевского республиканизма [Росock 1975: 384]. По мнению Покока, ключевым вкладом Харрингтона во внедрение республиканского самосознания в Англии была его адаптация теории Макиавелли о роли вооруженного за свой счет гражданина в формировании политики [Ibid.: 386]. Харрингтон связал способность вооружиться с обладанием собственностью, в результате чего «политизация человека достигла своего полного выражения в языке английской политической мысли; христианин-англичанин стал *zoon politikon*, человеком политическим, в силу

обладания мечем и правом собственности» [Ibid.: 384]. Кроме того, подобно многим своим современникам, Харрингтон находился под влиянием «венцианского мифа»: в своем проекте идеального государства — республики Океании — английский публицист попытался соединить военный экспансионизм Рима со стабильностью и долговечностью Венеции [Ibid.: 393].

После реставрации монархии наследие Харрингтона подверглось существенной переработке. В рамках появившегося неохаррингтонианского анализа была предпринята попытка примирить позицию самого Харрингтона, который был против восстановления монархии и рассматривал предшествующую историю Англии как постепенную деградацию феодально-монархической системы, с имеющим давнюю традиции представлением о древней английской конституции как о смешанной системе [Росock 1965: 570]. Ключевую роль в этом процессе сыграли оппозиционно настроенные представители «Партии страны» (Country Party) — Генри Невилл, граф Шефтсбери и Эндрю Марвелл [Росock 1975: 406]. Обращение к республиканскому языку было вызвано обеспокоенностью представителей «Партии страны» попытками Томаса Осборна, министра Карла II, создать внутри Палаты общин «Придворную партию» (Court Party), используя в том числе такие средства, как патронаж, подкуп и раздачу должностей. Кроме того, большую настороженность вызывало создание профессиональной постоянной армии, грозившей централизацией и укреплением королевской власти, а также усилия Карла II поставить парламент под свой контроль. В ответ на это Шефтсбери, Невилл и Марвелл предприняли полемическую контратаку, использовав республиканскую концепцию «коррупции» для концептуализации политических процессов, происходивших в Англии. Концепция «коррупции», использованная ими, своим развитием была во многом обязана Харрингтону и в дальнейшем сыграла решающую роль в развитии теории, известной нам как «разделение властей» [Ibid.: 406–407]. Покок следующим образом суммирует взгляд «Партии страны» на английскую политику: «Существует древняя конституция Англии, которая устанавливает баланс или равновесие между различными органами правительства, и функцией парламента в рамках этого

баланса является надзор за исполнительной властью. Однако исполнительная власть обладает средствами препятствовать исполнению парламентом своих надлежащих функций; она соблазняет парламентариев предложениями государственных должностей и пенсий, <...> уговаривает их поддерживать меры вроде постоянного войска, национальных долгов и акцизов, благодаря которым действия правительства становятся неподотчетны парламенту. Эти разрушительные меры известны под общим именем разложения, или коррупции, и если оно целиком овладеет парламентом или теми, кто его избирает, <...> то настанет конец независимости и свободе» [Росock 1965: 565–566].

Впоследствии к работам и языку неохаррингтонианцев обратились американские революционеры [Росock 1975: 506–507, см. также: Бейлин 2010: 41]. В то же время, отвергнув парламентскую монархию как форму правления, ведущую к «развращению», американские революционеры вернулись к первоначальной харрингтонианской традиции. Однако Харрингтон, как и все остальные республиканцы, недвусмысленно указывал, что альтернативой наследственной аристократии была аристократия естественная — люди выдающихся способностей и талантов, в то же время обладающие собственностью, досугом и образованием, то есть имеющие все необходимые характеристики аристократического «меньшинства» из республиканской схемы смешанного правления. Предполагалось, что демократическое «большинство» способно распознать естественную аристократию, в связи с чем создавать последнюю искусственными методами не имеет смысла [Росock 1975: 515].

Тем не менее вскоре после окончания Войны за независимость революция столкнулась с кризисом доверия, порожденным осознанием того, что естественная дифференциация людей, то есть образование естественного аристократического меньшинства и демократического большинства, так и не произошла. В результате под угрозой оказалось не только идеологическое самооправдание вышедшей из благородных слоев общества элиты, но и ключевая для республиканской идеи концепция добродетели (*virtue*) [Росock 1975: 516]. Это вынудило американских теоретиков обратиться

к иному, монистическому пониманию народа, не разделенному на исполняющие, соответствующие своим способностям и предрасположенностям функции части (классическое «большинство» и «меньшинство»). В то же время этот монистический народ рассматривался как состоящий из атомизированных индивидов. «Народные представители, — пишет Покок, — понимаемые как частные лица, формируют различные функционально дифференцированные группы, и в этой степени их все еще можно рассматривать как естественную аристократию», в то же время «различие исполняемых ими функций обеспечивало существование между ними системы сдержек и противовесов» [Ibid.: 521]. Народ, не будучи разделен на обладающие различными качествами, способностями и функциями части, больше не был напрямую вовлечен в управление государством; вместо этого он был напрямую вовлечен в выбор представителей [Ibid.]. Этот концептуальный сдвиг знаменует собой переход от классического или неоклассического понимания республики к современному. В классическом понимании цель республики заключалась в том, чтобы расширить возможности для граждан проявлять и развивать свой политический потенциал; цель современной республики состоит в увеличении свободы граждан, защите личной и общественной сфер жизни [Роскок 2005: 53].

Как было сказано в предыдущей главе, американские отцы-основатели и французские революционеры не рассматривали ту политическую систему, которую они стремились создать, как воплощение демократических идеалов. Будучи знакомыми с классической литературой, они связывали демократию с неумеренным правлением толпы и беззаконием. Не испытывая энтузиазма в отношении афинского демократического строя, отцы-основатели представляли себя наследниками Римской республики. Как замечает Роберт Даль, Джеймс Мэдисон, вероятно, «находился под влиянием давней традиции “республиканизма”, которая как в теории, так и на практике скорее склонялась к аристократии, ограниченному избирательному праву, озабоченности правами собственности и страху перед массами, чем к инклюзивному народному правительству, более зависимому от “народной воли”» [Dahl 2003: 160]. Редким примером благосклонного отношения к афинской демократии был То-

мас Пейн, утверждавший, что «то, чем Афины были в миниатюре, Америка станет в полной величине» (цит. по: [Кудрявцева 2006: 127]). На другом краю Атлантики — в революционной Франции — у демократии тоже были немногочисленные почитатели. В своей газете Гракх Бабёф часто прибегал к использованию формулировки «республика единая и демократическая», в то время как стандартной формулировкой якобинцев была «республика единая и неделимая» [Канфора 2012: 372]. Вместе с тем характерно, что газета Бабёфа называлась «Народный трибун», а в своих статьях и памфлетах он восхищался добродетелью римских трибунов и установлениями Ликурга, но не реформами Эфиальта или Клисфена. Таким образом, различные интерпретации опыта республиканского Рима инспирировали как радикальных демократов, участвовавших в «заговоре равных», так и умеренно настроенных авторов американской конституции. Стоит также отметить, что в появившихся во времена протектората Кромвеля трактатах, превозносящих республиканскую форму правления, практически никогда не приводились примеры эгалитарных Афин, но вместо этого присутствовали многочисленные отсылки к опыту Спарты, Венеции и Рима. В связи с этим Джеймс Харрингтон, главный теоретик английского республиканизма, рассматривается некоторыми исследователями как сторонник аристократической и элитарной политической системы [Carozzi 1998: 199].

Тем не менее сказанное не означает, что французских или американских революционеров нельзя назвать демократами в современном смысле этого слова. Речь идет о том, что назвать их демократами можно только ретроспективно, поскольку в политическом языке, используемом в конце XIX в., слово «демократия» отсылало к другому набору политических принципов и идеалов, в связи с чем занимало иное место в политическом дискурсе. Вместе с тем республика (слово, в то время куда более популярное, чем «демократия»), не понималась как строй, отдающий бразды правления в руки народа. Точное значение этого слова было малопонятно даже Джону Адамсу, автору трехтомной работы о республиканизме «В защиту конституций правительственной власти в Соединенных Штатах Америки». Так, в письме Мерси Отис Уоррен от 8 августа

1807 г. отец-основатель США заметил, что «[н]е существует более непонятого слова в английском языке, чем “республиканизм”» (цит. по: [Wootton 1994: 1]). Порой республика отождествлялась с демократией, а порой противопоставлялась ей. Монтескьё, как известно, считал республику формой правления, при которой верховная власть принадлежит всему народу или определенному количеству семейств, то есть для него республика была общим понятием, охватывающим как демократию, так и аристократию [Монтескьё 1999: 26–27]. Тот же Джон Адамс пытался представить республику Соединенных Штатов как классическую смесь естественной аристократии и демократии [Россов 1975: 526]. Вероятно, верной является точка зрения, высказанная американским исследователем Робертом Шумейкером, согласно которой разница между республикой и демократией для американцев конца XVIII в. совпадала с разницей между Конституцией и статьями Конфедерации [Shoemaker 1966: 95]. Если в проекте Конфедерации больше внимание уделялось демократическим механизмам управления, то федералисты делали акцент на централизованном правительстве, представительстве и системе сдержек и противовесов. В связи с этим Шумейкер замечает, что в действительности республиканизм представлял собой «не что иное, как предреволюционную британскую теорию “сбалансированного правления”» [Ibid.].

Бернар Манен также указывает на аристократические импликации, присущие современным системам представительного правления. Он привлекает внимание к повсеместному использованию выборных процедур и отмечает, что выборы, в отличие от жребия, всегда были аристократическим элементом, но не демократическим. Поэтому Манен рассматривает Харрингтона как представителя более общей традиции политической мысли, которая характеризуется использованием схемы смешанного правления как формы политического представительства. Таким образом, Манен усматривает прямую связь между республиканской свободой, одновременно демократической и аристократической, и развитием современных представительных систем [Манен 2008: 87–91].

По мнению австралийского исследователя Грэма Мэддокса, республиканская традиция является не просто недемократической,

но антидемократической: «Суть не просто в том, что американская федеральная республиканская конституция была недемократична. Она была открыто антидемократична, призвана сдерживать в узде неограниченные начинания народных движений, которые легко можно было заклеить как “распри”, <...> подрывающие “баланс” добродетельной (virtuous) конституции, провозглашенной людьми, осознающими собственную добродетель и свой момент в истории» [Maddox 1993: 10]. Другой американский исследователь, Джон Маккормик, также акцентирует внимание на элитистских и аристократических чертах, присущих республиканизму, в связи с чем заявляет, что «республиканизм, если его не подвергнуть переформулировке, в результате которой от него самого мало что останется, может только усугубить самые худшие черты современной либеральной демократии: произвол, которым социально-экономические и политические элиты пользуются в ущерб населению» [McCormick 2003: 616–617].

Несмотря на долю истины, которая присутствует в подобных оценках, едва ли можно назвать республиканскую традицию антидемократической. В рамках этой традиции вопрос о том, как создать систему инклюзивного народного правления, не был центральным, поскольку республиканцев куда больше заботили проблемы сохранения стабильности государства и воспитания добродетельных граждан. Этим же обусловлен ограниченно-демократический характер республиканизма: будучи сосредоточенными на проблеме устойчивости государства, республиканские теоретики в той или иной форме обращались к теории смешанной конституции, в рамках которой народному элементу отведена лишь ограниченная роль.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И КОНЦИЛИАРИЗМ

В классической работе «Основания современной политической мысли» Квентин Скиннер замечает, что «XVI век был свидетелем не только зарождения идеологии абсолютизма, но и ее главного соперника — теории, согласно которой всякая политическая власть пребывает в теле народа» [Скиннер 2018б: 166]. Большую роль в развитии этой теории сыграла концепция народного сувере-

нитета, разработанная в XIV в. Марсилием Падуанским и Бартоло де Сассоферрато [Скиннер 2018а: 119]. Некоторые ключевые аргументы в поддержку этой теории были разработаны в рамках примирительного движения, а также в результате интерпретации некоторых положений частного римского права [Скиннер 2018б: 167, 182]. Впоследствии конституционалистская аргументация была развита в наиболее влиятельных католических трактатах по вопросам политической теории [Там же: 167].

Стоит также отметить, что на характер европейского политического дискурса неизгладимое влияние оказала двухполюсная модель средневекового общества, обусловленная институциональным дуализмом церкви и государства. Как указывает Гельмут Кенигсбергер, в многочисленных конфликтах и спорах между церковью и государством были заложены основы европейской традиции поиска правовой защиты от тирании и рационализации политического дискурса [Кенигсбергер 2001: 188]. Значение институционального дуализма церкви и государства для развития рациональной политической аргументации подчеркивает также С.Е. Кондратенко [Кондратенко 2013: 9].

Движение концилиаризма конца XIV — начала XV в. возникло в попытке предотвратить раскол католической церкви путем ее реформирования и ограничения власти папы в пользу Церковного собора [Burns 1991: 573]. Непосредственной причиной возобновленного интереса к концилиаристским идеям стала Великая западная схизма — раскол в католической церкви, начавшийся в 1378 г. с избранием на святой престол сразу двух пап: сначала Урбана VI, а потом Климента VII. Первый представлял «римскую» партию, а второй — «авиньонскую». Кроме того, сыграло свою роль укрепление внутрицерковной централизации и усиление полномочий понтифика, произошедшее во время Авиньонского пленения, в результате чего власть Папы (по крайней мере, внутри церкви) приобрела еще более монархический характер [Ibid.].

Несмотря на то что первоначально концилиаристские тезисы представлялись как специальные аргументы *ad hoc*, направленные прежде всего на защиту католической церкви от ересей и дурного правления пап, уже в трудах Жана Жерсона и его последователей

идея церкви как конституционной монархии стала выводиться из более общего представления о природе политического сообщества [Скиннер 2018б: 167]. Помимо того, что Жан Жерсон, как впоследствии и Николай Кузанский, попытался применить теорию смешанного правления для ограничения власти папы [Гуторов 2014: 118], он также пришел к совершенно конституционалистскому выводу, согласно которому «любая общность, в которой правитель “стоит над законом” или обладает абсолютными правами в отношении имущества подданных, вообще не является *ex hipithesi*, предположительно, подлинным “политическим” обществом» [Скиннер 2018б: 171]. Это утверждение основывалось на развитой Жерсоном «субъективной» теории права, согласно которой владение правом на что-либо подразумевало власть свободного распоряжения. Однако, как настаивал Жерсон, ни папа, ни какой-либо светский правитель не может свободно распоряжаться государством или имуществом своих подданных. Любой правитель должен править во благо своего государства и в соответствии с законом, поскольку он является лишь *minister* или *rector*, но не абсолютным сувереном [Там же: 171–172].

Впоследствии конституционалистские тезисы Жерсона были развиты Джоном Майром и его учеником Жаком Альменом. Подобно Жерсону, они признавали, что ни один правитель не может обладать властью большей, чем той, которой обладает народ. Развивая аргументацию своего учителя, Альмен утверждал, что в дополитическом состоянии люди обладали правом вершить правосудие от своего имени, в связи с чем «право меча» не возникает вместе с образованием государства, но лишь уступается государю. Поэтому, как настаивает Альмен, права, которыми правитель обладает на основании позитивного закона, первоначально принадлежали обществу на основании природного закона [Скиннер 2018б: 172–175]. Разрабатывая эту радикальную теорию *Imperium*, Майр и Альмен формулируют ее наиболее подрывное следствие: правитель, неспособный управлять государством соответствующим образом, может быть законно смещен. Вместе с тем на вопрос, кому именно принадлежит право смещения государя, ни Майр, ни Альмен не дают ясного ответа. Вероятнее всего, с точки зрения конци-

лиаристов, такое право должно принадлежать представительному собранию всех сословий [Там же: 180].

Стоит отметить, что точка зрения, согласно которой теории Жерсона и других концилиаристов являются предтечами современного конституционализма, порой подвергается сомнению. Так, Кэри Недерман подвергает критике попытки связать теории концилиаристов с современным конституционализмом. Как указывает Недерман, концепции концилиаристов можно назвать конституционалистскими лишь в ограниченном смысле этого слова, а именно если сводить конституционализм к ограниченному законопавлению и верховенству права [Nederman 1990: 192]. В то же время современный конституционализм подразумевает ограничение правителей посредством общественного контроля над государственными должностными лицами, безличную концепцию правительства и гарантии неотчуждаемых прав для всех граждан [Ibid.: 193]. В этом отношении современный конституционализм различительно отличается от средневекового. Чтобы доказать влияние концилиаристов на становление современной теории конституционализма, необходимо, с точки зрения Недермана, во-первых, продемонстрировать исключительность и специфичность концилиаристского взгляда на правительство по сравнению с другими направлениями средневековой политической мысли. Без этого, по мнению Недермана, нет никаких оснований говорить, что примитивное движение оказало какое-то особое влияние на развитие конституционализма. Во-вторых, необходимо доказать, что концилиаристские взгляды подразумевали в сущности такое же понятие конституционного правления, какое принято современными мыслителями [Ibid.: 191]. В связи с этим Недерман пытается продемонстрировать, что конституционализм Жерсона был тесно связан с более общими направлениями средневековой политической мысли, и приходит к выводу, что «концепция концилиаризма, как она представлена у Жерсона, не совершила разрыва с принципами, широко признававшимися другими средневековыми авторами. Таким образом, Жерсона нельзя назвать ни средневековым предшественником, ни основателем современной конституционной теории» [Ibid.: 201]. Кроме того, теория Жерсона, по мнению Недермана, не

отражает ни одну из отличительных черт конституционализма в его современном смысле [Ibid.].

Однако, как справедливо возражает Френсис Оукли, теории концилиаристов никогда не рассматривались в качестве ознаменовавших некий «разрыв» в средневековой политической мысли, так же как никогда не утверждалось, что исключительно эти теории «породили» современный конституционализм. Кроме того, несмотря на то что концилиаристские теории были по своему духу скорее средневековыми, чем современными, это не может служить основанием для того, чтобы отрицать их влияние на становление конституционализма как современного феномена [Oakley 1995: 15–19].

Квентин Скиннер, признавая ограниченность интерпретации конституционализма как порождения исключительно концилиаристской традиции, указывает также на другой важный источник конституционалистских идей — римское право [Скиннер 2018б: 181]. Одним из способов защиты конституционалистских притязаний было обращение к аргументам из частного права, которые оправдывали применение насилия в некоторых специфических обстоятельствах. В каноническом праве ключевое значение придавалось декреталии о несправедливых судах, истолкованных во вполне конституционалистском духе Николаем деи Тудески. Последний, основываясь на комментариях папы Иннокентия IV, пришел к заключению, что сопротивление судье возможно, если судья, поступая несправедливо, наносит значительный вред [Там же: 182–184]. В гражданском кодексе также имелось несколько мест, оправдывающих применение насилия частным лицом. Составители дигест допускали два случая, когда веления закона природы отменяли запрет на применения насилия. Во-первых, считалось, что отец, чья дочь вступила во внебрачную связь с мужчиной, может на законных основаниях убить как дочь, так и мужчину; точно так же муж может убить любовника своей жены. Во-вторых, применение насилия считалось оправданным в случае самообороны, когда жизни или собственности человека угрожала опасность [Там же].

Несмотря на то что ни один из этих случаев не имеет прямого отношения к политике, некоторые радикальные теологи стали ис-

пользовать эти аргументы для оправдания сопротивления тираническому правлению королей. В частности, этим воспользовался сначала Ульям Оккам, а затем и Жан Жерсон, через которого эти аргументы переключались в главенствующее течение радикальной схоластической мысли [Скиннер 2018б: 186].

Помимо теологов, авторитет римского права использовался и некоторыми юристами, которые порой интерпретировали его в самом радикальном ключе. В этом отношении ключевыми являются попытки истолковать *regum Imperium* — высшую имперскую власть — в конституционалистском смысле, согласно которому подобной властью обладает не только император, но и нижестоящие магистраты. Подобная точка зрения подкреплялась феодальным взглядом на Священную римскую империю, согласно которому император при своем избрании заключает договор с курфюрстами и другими магистратами, принося клятву и обязуясь заботиться о процветании империи и правах подданных. Выводом из подобной трактовки имперской конституции было то, что в случае ненадлежащего исполнения своих обязанностей и нарушения клятвы император может быть законным образом смещен нижестоящими магистратами. Кроме того, распространенное представление об империи как о *universitas*, то есть как об органическом единстве, каждый член которого обязан поддерживать целостность всего организма, так же предполагало допустимость применения магистратами применения меча правосудия против императора в случае, если тот своими действиями нарушит нормы справедливости, которые обязался защищать в коронационной клятве [Скиннер 2018б: 186–192].

Помимо этого, не менее значима интерпретация римского права, впервые развитая итальянским юристом Бартоло да Сассоферрато в попытке легитимизировать притязания городов-государств Северной Италии на независимость от империи [Скиннер 2018а: 99–120]. В конце XV в. некоторые юристы стали интерпретировать *Lex Regia* — закон, посредством которого римский народ передавал власть императору, — в конституционалистском смысле, доказывая, что поскольку любой правитель ставится властью *Lex Regia*, «он обладает статусом не суверена, который является *maior*

universis, а избираемого должностного лица, действующего в качестве “minister государства”» [Скиннер 2018б: 196]. В связи с этим делался вывод о том, что любой государь связан обязательствами, возникающими вследствие Lex Regia, править справедливо и в соответствии с законами страны.

ТИРАНОБОРЧЕСТВО И ПРАВО НАРОДА НА ЛЕГИТИМНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

Европейская традиция тираноборчества имеет долгую историю. Достаточно вспомнить афинский культ Гармония и Аристогона, которых превозносили как героев, избавивших город от тирании и установивших в нем *isonomia*, равнозаконие [Shear 2012: 36]. В Средние века наиболее известным теоретиком тираноборчества стал Иоанн Солсберийский, представивший в трактате «Politicus» концепцию, основанную на органистическом понимании государства. Несмотря на то, что средневековые авторы и современные исследователи порой ставили под сомнение наличие у Иоанна Солсберийского оправдания тираноубийства, вероятно, стоит согласиться с прочтением Кэри Недермана, согласно которому Солсбериец в своем трактате не только продемонстрировал, что в конце концов тирана ждет неминуемая гибель от рук убийцы, но и оправдывал законность его убийства (подробнее см: [Nederman 1988]). В сочинениях Фомы Аквинского также присутствуют места, посвященные проблеме тираноборчества. Однако Фома считал недопустимым убийство тирана, так же как сопротивление тирании со стороны частных лиц. В случае если правитель становится тираном, народ может прибегнуть к некоей высшей власти, под которой, вероятно, понимается власть сеньора над вассалом или авторитет римского понтифика [Кондратенко 2015: 64].

Новый импульс теории сопротивления получила в эпоху Реформации. Протестанты, основываясь на буквальном прочтении Послания апостола Павла к римлянам, первоначально отвергали всякую возможность сопротивления земным властями [Скиннер 2018б: 33]. Однако, когда наступление Контрреформации постави-

ло под угрозой само существование кальвинистов и лютеран, им пришлось обратиться к аргументации, легитимизирующей активное сопротивление светским властям. Для этого был использован богатый арсенал, разработанный в рамках конституционалистской традиции: протестанты обратились к аргументам концилиаристов, римскому праву, к феодально-партикулярной интерпретации имперской конституции и даже к томистской традиции естественного права.

Мартин Буцер, один из виднейших реформаторов, внес решающий вклад в развитие лютеранской теории сопротивления [Скиннер 2018б: 33]. Для оправдания сопротивления Буцер использует теорию «нижестоящих магистратов», намеки на которую просматриваются еще в сочинениях Аквината. Буцер разделяет традиционный августинианский тезис, согласно которому все власти уставлены Богом, однако в интерпретации того, кого следует считать властями, он предлагает довольно радикальную трактовку. С точки зрения Буцера, для достижения наилучшего положения дел в государстве, Бог никогда не передает власть одному человеку. Согласно такой трактовке, Богом данной властью обладает не только император, но и «нижестоящие магистраты» — курфюрсты, герцоги, графы и т.п. Это подкрепляется уже упомянутой выше конституционалистской трактовкой *regum imperium*. Таким образом, хотя частному лицу не разрешается открыто восставать против властей, такой возможностью обладают нижестоящие магистраты. Однако если юристы апеллировали к правовым обязательствам императора, Буцер настаивает, что император обязан защищать истинную, то есть лютеранскую, веру. Если же он этого не делает и впадает в ересь, долгом нижестоящих магистратов является оказать ему сопротивление и сместить с престола [там же: 299–301].

Использовались также и аргументы из частного римского права. Во время осады императорскими войсками протестантского Магдебурга, в городе стало печататься множество памфлетов, оправдывающих сопротивление властям, наиболее знаковым из которых стало «Исповедание и апология пасторов и других служителей Церкви в Магдебурге» [Скиннер 2018б: 302]. Авторы памфлета настаивают, что магистраты устанавливаются Богом для борьбы

со злом и продвижения добра, а не наоборот. Если правитель начинает творить зло, то его более нельзя считать установленным Богом. Однако и в этом случае это объясняется скорее теологически, а не юридически, поскольку причиной его низложения является не то, что он превысил предписанные полномочия, а то, что потерял божественную легитимацию. Как пишут авторы памфлета, если высшие власти не воздерживаются от нападков на истинную религию и истинное поклонение Господу, тогда нижестоящие магистраты, следуя божественному велению Господа, обязаны сопротивляться таким властям настолько, насколько это возможно [Witte 2008: 549]. Нарушив свои обязательства перед Богом, государь низводится до положения частного лица, восстание против которого трактуется как законное сопротивление несправедливому насилию [Скиннер 2018б: 318–320]. Вместе с тем оказывать сопротивление разрешается не всему народу или частным лицам, но опять же нижестоящим магистратам [Там же].

Впоследствии кальвинисты разрешили некоторые противоречия, присущие лютеранским оправданиям сопротивления, и внесли значительный вклад в развитие этой теории. В аргументации Буцера присутствовала одна серьезная проблема: одновременно признавая, что все власти установлены от Бога, он в то же время пытался доказать законность сопротивления. Это противоречие попытались разрешить радикальные кальвинисты — Джон Понет, Кристофер Гудмен и Джон Нокс. Они пришли к выводу, что единственным способом доказать законность сопротивления является отказ от августирианского тезиса, согласно которому любая власть, даже не исполняющая своих обязательств, является установленной Богом. В связи с этим перед ними встает следующий вопрос: если не Бог поставил тиранов на царство, почему они правят? Их ответ состоит в том, что Бог выбирает магистратов, которых благочестивый народ должен впоследствии распознать. Согласно такой трактовке, правителем нельзя избирать женщину, иностранца, человека, обладающего большими богатствами и верящего только в силу, и т.п. Если люди выбирают нечестивого правителя, значит они не смогли распознать божественные знаки, указывающие на правильный выбор, и правитель-тиран не может считаться установленным

Богом [Скиннер 2018б: 333–338]. Соответственно, ему можно сопротивляться.

Жан Кальвин, несмотря на неопределенность многих его формулировок, также внес вклад в развитие теории сопротивления. Он обратился к довольно схожей с теорией «нижестоящих магистратов» идее, а именно к идее «эфоральной власти», согласно которой право осуществлять сопротивление имеют выбранные народом магистраты, аналогами которых были спартанские эфоры и римские народные трибуны [Скиннер 2018б: 339]. К этой же идее обращался и Ульрих Цвингли. Отличием этой концепции от теории «нижестоящих магистратов» является то, что «эфоральные власти» представляются не просто как обычные магистраты, но именно как магистраты, установленные Богом (и, возможно, выбранные гражданами) для защиты народа от произвола правителей [Там же: 341].

Таким образом, можно выделить две общие черты теорий сопротивления, разработанных первыми поколениями протестантов. Во-первых, оказывать активное сопротивление не могли частные лица или весь народ. Это было прерогативой нижестоящих магистратов, эфоральных властей и т.п. Во-вторых, эти теории сопротивления имели религиозное, но не секулярное обоснование. Сопротивление правителю оправдывалось, если он был идолопоклонником и еретиком, препятствующим осуществлению истинной веры, то есть если он был католиком. В этом отношении сопротивление являлось не юридическим или моральным правом, но религиозным долгом.

Секуляризация теории сопротивления произошла позднее, в контексте религиозных войн во Франции. Гугеноты оказались в этой стране в подавляющем меньшинстве, в результате чего приводить протестантские аргументы не имело смысла. Событием, сыгравшим определяющую роль в становлении кальвинистской теории революции, стала Варфоломеева ночь [Witte 2008: 546–547]. Если до нее гугеноты имели надежды на мирное сосуществование и проводили политику компромиссов с режимом Валуа, то после им пришлось принять более радикальную позицию и разработать доктрину, способную мобилизовать против монархии Валуа более

широкие слои населения, в том числе католиков. Попытку создать такую теорию предпринял Франсуа Отман, который в своей «Франкогаллии» апеллировал к древней французской конституции, которая в его трактовке приобрела популистский характер [Скиннер 2018б: 461]. Тем не менее интерпретация французской истории Отманом была достаточно произвольна и тенденциозна, в результате чего навлекла на себя шквал критики со стороны консервативных сторонников абсолютизма, поставивший под сомнение возможность использования ее для оправдания сопротивления. Кроме того, как таковой теории «Франкогаллия» не содержала, а представляла собой скорее историю Франции, содержащую жесткую критику текущего режима [Там же: 471–474].

Это вынудило таких видных гугенотов, как Теодор Беза и Филипп Дюплесси-Морне, обратиться к теории естественного права, разработанной их противниками католиками [Скиннер 2018б: 474]. Отказавшись от идеи, согласно которой политические сообщества установлены Богом, они заявили, что первоначальным, естественным состоянием человека была свобода. В связи с этим Скиннер заостряет внимание на очевидном парадоксе: несмотря на то что, обсуждая развитие теории сопротивления, исследователи говорят о «кальвинистской теории революции», на деле обнаруживается, что собственно кальвинистских элементов в ней практически нет. Часть аргументов была заимствована у лютеран, которые, в свою очередь, подчёркнули их из гражданского и канонического права, а часть — из схоластики. Поэтому, с точки зрения Скиннера, «можно утверждать с очень небольшой натяжкой, что важнейшие основания кальвинистской теории революции были заложены их врагами-католиками» [Там же: 477]. Схожую точку зрения высказывает профессор теологии Дэвид Вандрунен, который утверждает, что кальвинистские теории сопротивления не были в своей основе ни кардинально оригинальными, ни особенно укорененными в реформаторской теологии [VanDrunen 2006: 144].

Подобно своим предшественникам томистам, кальвинисты приняли положение, согласно которому государство является творением рук человека и образуется ради защиты свобод и безопасности людей. Как указывал Беза, народ не был создан ради прави-

телей, но правители ради народа, чтобы охранять его права, свободы и привилегии [Witte 2008: 559]. Единственным легитимизирующим созданием государства актом является согласие народа [Скиннер 2018б: 489]. Тем не менее, если томисты считали короля *legibus solutus*, то есть стоящим над всеми светскими законами, гугенотские теоретики приняли радикальный конституционалистский тезис, согласно которому король является служителем государства и народа, фактически простым должностным лицом, получающим жалование за свою работу. С их точки зрения народ лишь делегирует свой суверенитет, но не отчуждает его [Там же: 495]. Вместе с тем ни Беза, ни Монре не считали, что народ непосредственно имеет право на восстание. Если правитель становится тираном, защищать народ надлежит магистратам [Там же: 496–497]. Стоит также отметить, что, помимо томистской концепции естественного права, гугеноты куда более активно, чем их предшественники, использовали аргументы из римского права [Gieseey 1970: 52–53].

Как пишет Скиннер, гугеноты совершили эпохальный шаг, в результате которого «появляется всецело политическая теория революции, основанная на хорошо знакомом современном, секулярном тезисе о природных правах и первоначальном суверенитете народа» [Скиннер 2018б: 502–503]. Однако окончательный переход к популистской и секулярной доктрине права на восстание произошел в Шотландии. Ключевую роль в этом сыграл Джордж Бьюкенен. В своем трактате «О праве на королевство в Шотландии» он утверждал, что, так как весь народ соглашается учредить законное правление, право на сопротивление имеет все население, а не только его представители [Там же: 510].

В рамках статьи для нас важно, что как конституционализм, так и право на восстание зародились внутри традиций, весьма скептически настроенных по отношению к идее демократии. Ни конституционализм, ни право на сопротивление не связаны напрямую с формой правления, при которой воля народа является последней инстанцией в разрешении ключевых политических вопросов. Несмотря на то что обеих доктринах источником суверенитета считался народ, это не означало, что сам народ должен быть суве-

реном. Вместо этого и конституционалистская аргументация, и аргументация монархомахов основывались на том, что действия государя должны быть ограничены рамками закона. Представители народа, а позднее и весь народ, имели право воспрепятствовать проведению деспотичной политики, и в этом смысле обладали властью предотвращения, но не властью решения. С точки зрения Пьера Розанваллона, «[и]менно власть сказать “нет”, возможность отстранить принца или его магистратов послужила основой для самой ранней концепции легитимного и жизнеспособного социального вмешательства в политическую сферу» [Rosanvallon 2008: 127]. В этом отношении за народом закрепилось не право решать, какую политику будет проводить правитель, но право предотвратить реализацию деспотичной политики. Этот негативный суверенитет существенно отличается от суверенитета, которым обладал афинский демос на народном собрании, и в то же время он является одним из ключевых элементов современной демократии.

* * *

Зародившись в результате революционных преобразований XVII–XVIII вв., современная система парламентского представительного правления не только в институциональном, но и в идейном отношении имеет мало общего с афинским демократическим строем. Если афинская демократия позволяла небольшой прослойке свободных граждан напрямую — через народное собрание или жребий — участвовать в управлении политическими делами и таким образом осуществлять политическую власть, современная демократия представляет собой режим ограничения использования власти. Помимо этого, характерной чертой афинской демократии было стремление к равенству граждан и тождественности правящих и управляемых, что нашло свое выражение в использовании жребия для избрания должностных лиц. В современных демократиях, напротив, правящие и управляемые строго дифференцированы, а избрание должностных лиц происходит с помощью выборов — процедуры, сочетающей в себе как демократический, так и аристократический элемент.

Отчасти аристократизм и ограниченно-демократический характер современных парламентских представительных систем об-

условлены тем, что идея современной демократии сформировалась под сильным влиянием республиканской традиции и в известной степени стала ее продолжением. Ключевой проблемой, вокруг которой строился весь республиканский дискурс, было сохранение политического сообщества в условиях иррационального и непредсказуемого секулярного порядка. Афинская демократия, то есть активное и коллективное осуществление демосом политической власти, рассматривалась как неумеренное правление толпы, которое в конечном итоге ведет к распрям и гибели государства. Поэтому республиканские авторы отдавали предпочтение смешанной конституции, в рамках которой демократический, аристократический и монархический элементы уравнивали друг друга, что обеспечивало устойчивость и долговечность республики. Классическими образцами смешанного правления были Римская республика, Спарта и Венеция — политические образования, в большей степени олигархические, чем демократические. Республиканской традиции также была чужда афинская идея тождественности правящих и управляемых: отвергая наследственную аристократию, и Харрингтон, и Мэдисон недвусмысленно указывали, что ее место займет естественная аристократия, избранная народом на основании заслуг, талантов и добродетелей. Таким образом, республиканская традиция содержала в себе некоторые неэгалитарные аристократические элементы, впоследствии ставшие частью современной демократической традиции.

Конституционализм, один из базовых принципов всех современных демократий, берет свое начало в аргументации концилиаристов и средневековой правовой традиции. Концилиаризм, основная идея которого состоит в приоритете решений Собора над решениями папы, возник в ответ на кризисную ситуацию в католической церкви. Первоначально концилиаристские тезисы рассматривались в качестве особой аргументации *ad hoc*, направленной на доказательство главенства Церковного Собора над папой в случае недееспособности или порочности последнего. Однако вскоре, обосновывая идею церкви как конституционной монархии, концилиаристы стали исходить из общего представления о природе политического сообщества, в результате чего их аргументация приобрела универсальный характер.

Положение римского гражданского кодекса о допустимости отвечать силой на несправедливое насилие стало еще одним источником конституционалистской аргументации. Доказывая право сопротивляться неправомерному насилию и наличие договорных обязательств императора перед его подданными, сторонники гуманистического метода в юриспруденции обратились также к феодально-партикулярной интерпретации имперской конституции. Таким образом, интерпретация договорной традиции феодального права также внесла свой вклад в развитие конституциональной теории.

Теория права народа на легитимную революцию зародилась в контексте Реформации и религиозных войн, что обусловило первоначально ее религиозный характер. Однако политическая ситуация во Франции в конце XVI в. вынудила ряд протестантских авторов обратиться к более светской трактовке права на сопротивление, результатом чего стала секулярная политическая теория революции. Вместе с тем, разрабатывая концепцию народного суверенитета, монархомахи не делали вывод об осуществлении власти народом. Концепция народного суверенитета, получившая развитие в трудах протестантских мыслителей, предполагала весьма ограниченный взгляд на роль самого народа в политической жизни. Представители народа, а позднее и весь народ, имели право воспрепятствовать проведению деспотичной политики и в этом смысле обладали властью предотвращения, но не властью решения.

Проведенный анализ идейных истоков современной демократической традиции может помочь нам приблизиться к пониманию ее смысла и ограничений. В рамках рассмотренных направлений первостепенное значение придавалось стабильности государства, защите от деспотического правления и, соответственно, обеспечению свободы от вмешательства государства. В связи с этим весьма скромная роль гражданина в управлении государством, низкий уровень гражданского участия и ограниченная степень влияния граждан на проводимую государственную политику могут рассматриваться не как следствие коррупции демократий и невозможности полноценного демократического участия в рамках массового общества, но в какой-то мере как характеристики, внутренне присущие современной демократической традиции.

Литература и источники

Аристотель. Политика // Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1983. С. Т. 4. 375–645.

Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции. М.: Новое издательство, 2010.

Гуггенберг Б. Теория демократии (словарь политических понятий) // Полис. Политические исследования. 1991. № 4 (4). С. 136–148.

Гуторов В. А. Политическое образование и университетская традиция // Политическая экспертиза: Политекс. 2009. № 4 (5). С. 20–39.

Гуторов В. А. Теория демократии как историческая проблема: к постановке вопроса // Вестник СПбГУ. Международные отношения. Политология. 2014. № 4 (6). С. 114–126.

Кант И. К вечному миру // Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.

Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб.: Александрия, 2012. 500 с.

Кенигсбергер Г. Средневековая Европа: 400–1500 годы. М.: Весь мир, 2001. 384 с.

Кондратенко С. Е. К проблеме тирании и тираноборчества в средневековом политическом дискурсе // Вестник СПбГУ. Международные отношения. Политология. 2015. № 4 (6). С. 56–67.

Кондратенко С.Е. Католицизм и государство в европейском политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01. СПб., 2013.

Кудрявцева Т. В. Афинская демократия: «гадкий утенок» европейской историографии (от Макиавелли до Констанана) // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2006. № 8. С. 124–129.

Магун А. Демократия, или Демон и гегемон. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.

Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Монтескьё Ш.-Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999.

Мюллер Я.-В. Споры о демократии: политические идеи в Европе XX века. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.

Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / под общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79–420.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 1: Эпоха Ренессанса. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018а.

Скиннер К. Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации. М.: Издат. дом «Дело» РАНХиГС, 2018б.

Федералист. Политические эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона и Дж. Джея. М.: Прогресс; Литера, 1993.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: Academia, 1995.

Шумпетер Й. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.

Burns J.H. The Cambridge History of Medieval Political Thought с. 350 — с. 1450. Cambridge: Cambridge University press, 1991.

Capozzi E. Republicanism and representative democracy: The heritage of James Harrington // European Review of History: Revue européenne d'histoire. 1998. № 5 (2). P. 197–204.

Dahl R.A. How democratic is the American constitution? New Haven: Yale University Press, 2003.

Dupuis-Déri F. The Political Power of Words: The Birth of Pro-democratic Discourse in the Nineteenth Century in the United States and France // Political Studies. 2004. № 52 (1). P. 118–134.

Finley M. Athenian Demagogues // Past & Present. 1962. № 21 (1). P. 3–24.

Giesey R.E. The Monarchomach Triumvirs: Hotman, Beza and Mornay // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. 1970. № 32 (1). P. 41–56.

Hansen M. The Tradition of The Athenian Democracy A.D. 1750–1990 // Greece & Rome. 1992. № 39 (1). P. 14–30.

Kerferd G.B. The Sophistic Movement. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Maddox G. Republic or democracy? // Politics. 1993. № 28 (4). P. 9–26.

McCormick J.P. Machiavelli against Republicanism: On the Cambridge School's "Guicciardinian Moments" // Political Theory. 2003. № 31 (5). P. 615–643.

Nederman C.J. A Duty to Kill: John of Salisbury's Theory of Tyrannicide // The review of Politics. 1988. № 50 (3). P. 365–389.

Nederman C. J. Conciliarism and constitutionalism: Jean Gerson and medieval political thought // History of European ideas. 1990. №, 12 (2). P. 189–209.

Oakley F. Nederman, Gerson, Conciliar Theory and Constitutionalism: Sed Contra // History of Political Thought. 1995. № 16 (1). P. 1–19.

Pocock J.G.A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century // The William and Mary Quarterly: A Magazine of

Early American History. Williamsberg: Omohundro Institute of Early American History and Culture, 1965. P. 549–583.

Pocock J.G.A. The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Roberts J. Athens on Trial: The Antidemocratic Tradition in Western Thought. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Rosanvallon P. Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. Chatham; New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987.

Saxonhouse A. W. Athenian Democracy: Modern Mythmakers and Ancient Theorists // Political Science and Politics. 1993. № 26 (3). P. 486–490.

Shear J.L. Religion and the Polis: The Cult of the Tyrannicides at Athens // Kernos. 2012. № 25 (1). P. 27–55.

Shoemaker R.W. “Democracy” and “Republic” as Understood in Late Eighteenth-Century America // American Speech. 1966. № 41 (2). P. 83–95.

VanDrunen D. The use of natural law in early Calvinist resistance theory // Journal of Law and Religion. 2006. № 21 (1). P. 143–167.

Witte J. Rights, Resistance, and Revolution in the Western Tradition: Early Protestant Foundations // Law and History Review. 2008. № 26 (3). P. 545–570.

Wootton D. Republicanism, liberty, and commercial society, 1649–1776. Stanford: Stanford University Press, 1994.

ON INTELLECTUAL FOUNDATIONS OF THE MODERN DEMOCRATIC TRADITION

I. Fomichev

Abstract. *In Ancient Greece democracy has not gained popularity among philosophers and thinkers. Until the 19th century, it was associated with lawlessness and mob rule. Such an assessment was shared, among many others, by James Madison and Alexander Hamilton, the founding Fathers of the United States. The most favorable form of government was republic, which was far from being identified with democracy. And in the eyes of those who laid the foundations of USA, it was an example of genuine republic, but not a democracy. Only in the 1830s did the word “democracy” begin to acquire positive connotations and politicians and publicists began to use it to describe the system of representative government of the United States. In this regard, this article discusses the role played by the Republican tradition in the formation of the modern idea of democracy. Since the key values of republicanism were not universal equality and the rule of the people, but the stability and durability of the state, this tradition is democratic only to a limited extent. Republic — as it was understood by the second president of the USA John Adams — was rather a mixture of aristocracy and democracy.*

The author also considered emergence of such key principles of modern democracy as constitutionalism and the right to resist. Both of these principles originated within traditions very skeptical of the idea of democracy. Neither constitutionalism nor the right to resist is directly related to the form of government in which the will of the people is the final authority in resolving key political issues. Despite the fact that within the framework of both doctrines the people were considered to be the source of sovereignty, this did not mean that the people themselves should be sovereign. Instead, both the constitutionalist argumentation and the arguing of the monarchomachs were based on the assumption that the sovereign's actions should be limited to the law.

At the end of the article it is concluded that the low level of civic participation and the limited degree of influence of citizens on the state policy can be considered as characteristics inherent in modern democracy.

Keywords: *democracy, representative government, republicanism, constitutionalism, conciliarism, tyrannicide, the right of legitimate revolution.*

References

Aristotle. *Politika* [Aristotle. Politics], In: *Aristotle. Sobranie sochinenij v 4 t.* [Collected Works in 4 vols.]. Moscow: Mysl', 1983, vol. 4, pp. 375–645. (In Russian)

Bailyn B. *Ideologicheskie istoki Amerikanskoj revolyucii* [The Ideological Origins of the American Revolution]. Transl. from English. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2010. (In Russian)

Burns J. H. *The Cambridge History of Medieval Political Thought c. 350 — c. 1450*. Cambridge: Cambridge University press, 1991.

Capozzi E. Republicanism and representative democracy: The heritage of James Harrington, *European Review of History: Revue européenne d'histoire*, 1998, 5 (2), pp. 197–204.

Dahl R.A. *How democratic is the American constitution?* New Haven: Yale University Press, 2003.

Dupuis-Déri F. The Political Power of Words: The Birth of Pro-democratic Discourse in the Nineteenth Century in the United States and France, *Political Studies*, 2004, 52 (1), pp. 118–134.

Federalist. Politicheskie ehssy A. Hamiltona, J. Madisona i J. Jaya [The Federalist Papers by A. Hamilton, J. Madison, J. Jay]. Transl. from English. Moscow: Progress publ.; Litera, 1993. (In Russian)

Finley M. Athenian Demagogues, *Past & Present*, 1962, 21 (1), pp. 3–24.

Giesey R.E. The Monarchomach Triumvirs: Hotman, Beza and Mornay, *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, 1970, 32 (1), pp.41–56.

Gutorov V.A. Teoriya demokratii kak istoricheskaya problema: k postanovke voprosa [The theory of democracy as a historical problem: towards the formulation of the question], *Vestnik SPbGU, Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya.*, 2014, No. 4 (6), pp. 114–126. (In Russian)

Gutorov V.A. Politicheskoe obrazovanie i universitetskaya tradiciya [Political Education and the University tradition], *Politicheskaya ehkspertiza: Politeks*, 2009, No. 4 (6), pp. 20–39. (In Russian)

Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost'* [Democracy, reason morality]. Transl. from Germany. Moscow: Academia, 1995. (In Russian)

Hansen M. The Tradition of The Athenian Democracy A.D. 1750–1990, *Greece & Rome*, 1992, 39 (1), pp. 14–30.

Hugenberg B. Teoriya demokratii (Slovar' politicheskikh ponyatij) [Theory of democracy (Dictionary of political concepts)]. Transl. from Deutsch. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1991, No. 4 (4), pp. 136–148. (In Russian)

Kanfora L. *Demokratiya. Istoriya odnoj ideologii* [Democracy. History of one ideology]. Transl. from Italian. St. Petersburg: Aleksandriya, 2012. (In Russian)

Kant I. K vechnomu miru [Perpetual Peace: A Philosophical Sketch], In: Kant I. *Sobranie sochinenij v 8 t. [Collected Works in 8 vols.]*. Transl. from Deutsch. Moscow: Choro, 1994, vol. 7, pp. 5–56. (In Russian)

Kerferd G.B. *The Sophistic Movement*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

Kondratenko S.E. K probleme tiranii i tiranoborchestva v srednevekovom politicheskom diskurse [On the problem of tyranny and tyrannicide in medieval political discourse], *Vestnik SPbGU, Mezhdunarodnye otnosheniya. Politologiya.*, 2015, no. 4 (6), pp. 56–67. (In Russian)

Kondratenko S.E. *Katolicizm i gosudarstvo v evropejskom politicheskom diskurse [Catholicism and the state in the European political discourse]*. Abstract of the thesis for the degree of candidate of political Sciences. St. Petersburg, 2013. (In Russian)

Königsberger H. *Srednevekovaya Evropa: 400–1500 gody [Medieval Europe: 400–1500 years]*. Transl. from English. Moscow: Ves' mir, 2001. (In Russian)

Kudryavtseva T.V. Afinskaya demokratiya: «gadkij utenok» evropejskoj istoriografii (ot Makiavelli do Konstana) [Athenian democracy: “ugly duckling” of European historiography (from Machiavelli to Constant)], *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ehkonomicheskie i pravovye issledovaniya*, 2006, no. 8, pp. 124–129. (In Russian)

Maddox G. Republic or democracy? *Politics*, 1993, 28 (4), pp. 9–26.

Magun A. *Demokratiya, ili Demon i gegemon [Democracy, or Demon and hegemon]*. St. Petersburg: EUSP Press, 2015. (In Russian)

Manin B. *Principy predstavitel'nogo pravleniya [The Principles of Representative Government]*. St. Petersburg: EUSP Press, 2008. (In Russian)

McCormick J.P. Machiavelli against Republicanism: On the Cambridge School's “Guicciardinian Moments”, *Political Theory*, 2003, 31 (5), pp. 615–643.

Montesquieu Ch.-L. *O duhe zakonov [The Spirit of the Laws]*. Transl. from French. Moscow: Mysl', 1999. (In Russian)

Muller J.-V. *Spory o demokratii: Politicheskie idei v Evrope XX veka [Contenting Democracy: Political Ideas in Twentieth-Century Europe]*. Moscow: Gaydar Institute publ., 2017. (In Russian)

Nederman C. J. A Duty to Kill: John of Salisbury's Theory of Tyrannicide, *The review of Politics*, 1988, 50 (3), pp. 365–389.

Nederman C. J. Conciliarism and constitutionalism: Jean Gerson and medieval political thought, *History of European ideas*, 1990, 12 (2), pp. 189–209.

Oakley F. Nederman, Gerson, Conciliar Theory and Constitutionalism: Sed Contra, *History of Political Thought*, 1995, 16 (1), pp. 1–19.

Plato. Gosudarstvo [The Republic], in: Plato. Sobranie sochinenij v 4 t. [Collected works in 4 vols.]. Ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-godi. Moscow: Mysl', 1994, vol. 3, pp. 79–420. (In Russian)

Pocock J.G.A. Machiavelli, Harrington and English Political Ideologies in the Eighteenth Century, *The William and Mary Quarterly: A Magazine of Early American History*, Williamsberg: Omohundro Institute of Early American History and Culture, 1965, pp. 549–583.

Pocock J.G.A. *The Machiavellian Moment: Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition*. Princeton: Princeton University Press, 1975.

Roberts J. *Athens on Trial: The Antidemocratic Tradition in Western Thought*. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Rosanvallon P. *Counter-Democracy: Politics in an Age of Distrust*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Sartori G. *The Theory of Democracy Revisited*. Chatham. New Jersey: Chatham House Publishers, Inc., 1987.

Saxonhouse A. W. Athenian Democracy: Modern Mythmakers and Ancient Theorists, *Political Science and Politics*, 1993, 26 (3), pp. 486–490.

Shear J. L. Religion and the Polis: The Cult of the Tyrannicides at Athens, *Kernos*, 2012, 25 (1), pp. 27–55.

Shoemaker R.W. “Democracy” and “Republic” as Understood in Late Eighteenth-Century America, *American Speech*, 1966, 41 (2), pp. 83–95.

Schumpeter J. *Teoriya ehkonomicheskogo razvitiya. Kapitalizm, socializm i demokratiya [Capitalism, Socialism and Democracy]*. Transl. from English. Moscow: Exmo, 2007. (In Russian)

Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: v 2 t. T. 1: Epoha Rennansans [The Foundations of Modern Political Thought. Vol. I: The Renaissance]*. Transl. from English. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018a. (In Russian)

Skinner K. *Istoki sovremennoj politicheskoy mysli: v 2 t. T. 2: Epoha Reformatsii. [Skinner K. The Foundations of Modern Political Thought. Vol. II: The Age of Reformation]*. Transl. from English. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018b. (In Russian)

VanDrunen D. The use of natural law in early Calvinist resistance theory, *Journal of Law and Religion*, 2006, 21 (1), pp. 143–167

Witte J. Rights, Resistance, and Revolution in the Western Tradition: Early Protestant Foundations, *Law and History Review*, 2008, no. 26 (3), pp. 545–570.

Wootton D. *Republicanism, liberty, and commercial society, 1649–1776*. Stanford: Stanford University Press, 1994.